

тяжелую травму — случай безнадежный с точки зрения западной медицины. Соединение методов обоих направлений в медицине позволило вернуть его к жизни.

На конкретных примерах Дешамп показывает, что самодовольство некоторых его соотечественников неоправдано и выглядит глупо. В их высокомерии он усматривает остаточные явления идеологии белого расизма, насаждавшей пренебрежительное отношение к «азиатам». Он замечает, что пока что на Западе интересуются главным образом военным опытом китайских коммунистов. Французские полковники изучают действия китайских партизан. Этим же занимаются американские генералы, надеясь каким-то образом разыскать секрет того, как совладать с народами, поднявшимися на борьбу за свою свободу. Автор напоминает этим «исследователям», что они забыли об одной

важнейшей детали: можно зазубрить все правила ведения партизанской войны, и все без толку, потому что секрет успеха в такой войне — «безоговорочная поддержка населения». Эта поддержка гарантировала коммунистам победу над чанкайшистами. Отсутствие такой поддержки обрекает на провал любые карательные экспедиции империалистов, как бы тщательно они ни проштудировали китайские книги о народной войне.

А в остальном на Западе, когда заходит речь о Китае, начинают, по выражению Дешампа, выкидывать «фигуры высшего пилотажа» по части лжи. Противостоящая им книга «Весна в садах Китая» знакомит западного читателя с правдивыми фактами и разоблачает клевету и ложь о Народном Китае.

Г. ГЕРАСИМОВ

ПЕРЕПЕВЫ СТАРЫХ БАСЕН

НЕМЕЦ из ФРГ Л. Кох-Изенбург дважды посетил Мадагаскар — в 1953 и 1960 годах. В общей сложности он провел на острове больше полутора лет, побывав во всех его провинциях. Итогом последней поездки, совпавшей со становлением независимой Мальгашской республики, и явилась книга «Древний мир бурлит».

«Я биолог, — сообщает Кох-Изенбург, — а не политик. Но во время поездок я всегда стремился понять образ жизни туземных жителей, осмыслить их миропонимание, чтобы выяснить их во взаимосвязи с окружающим миром».

Биологом Кох-Изенбург называет себя несколько смело. Армейский переводчик в России и во Франции в прошлую войну, он получил весьма поверхностное научное образование и при описании животного мира Мадагаскара

допускает грубые ошибки. По собственному признанию, Кох прибыл на остров, главным образом чтобы искать редчайшие растения и зверей для зоосадов и музеев ФРГ, но вместе с тем и для одной из организаций, финансировавших его поездку, — чикагского музея естествознания. Без стеснения этот, с позволения сказать, «ученый» приводит размеры своих возможных барышей: тысяча марок за мадагаскарского питона, пять тысяч — за редко встречающегося даже на острове тенрека. Его познания в биологии, видимо, сродни познаниям вора, достаточным, чтобы в чужом доме отличить медную пепельницу от золотых часов...

Рассказывая о «туземных жителях во взаимосвязи с окружающим их миром», Кох выступает не только как невежда, но и как низкий клеветник, моральный пособник неокolonизаторов. Его разглашательства — идеологическая отмычка для новых хищников, жадной сворой устремившихся сейчас на остров из Бремена и Гамбурга, Бонна и Нью-Йорка, Тель-Авива, Кейптауна, Рима...

Прежде всего книгу пронизывает чисто «арийское», по лучшим рецептам Розенберга, презрение к этим «от природы ленивым коричневым», обладающим, по мнению автора, всеми пороками, которые когда-либо приписывали африканцам или жителям Азии белые господа с хлыстом в руках. Мальгаши, утверждает Кох, «козарный и неблагодарный народ, полный суеверий и придерживающийся кровавых обычаев», «примитивные люди с ярко выраженными физиономиями бандитов». И далее — в своем развитии они отстали «чуть ли не на 30 тысяч лет» и являются якобы противниками всяких нововведений, врачебной помощи и современной техники.

Как видно, по заказу другой финансировавшей его поездку организации («одной газетной фирмы») Кох-Изенбург выливает на мальгашский народ тысячи слов зловонной лжи и расистского высокомерия. Так, он вполне серьезно утверждает, будто эрозия почв — национальное бедствие на Мадагаскаре — происходит вовсе не от того, что французские компании хищнически вырубали мадагаскарские леса, а просто от того, что у мальгашей есть... рогатый скот — зебу. Эти-де зебу съели траву, а потому и возникла эрозия! Вниманию читателей Кох предлагает другое свое «открытие»: туберкулезом мальгаши болеют потому, пишет он, что вместо национальной накидки ламбы носят европейскую одежду, в которой легче простуживаются...

Много места в своей книге Кох-Изенбург отводит славословию «великодушных белых», потом, кровью и на средства которых на острове будто бы создано «все самое лучшее», все, что здесь есть от цивилизации. «Биолог» искренне скорбит, что народу Мадагаскара удалось добиться независимости. «Судьба острова, — пишет он, — заставляет меня задуматься. Как долго еще смогут белые здесь жить, путешествовать и заниматься изысканиями, раз туземцы взяли свою судьбу в собственные руки?» Ведь без европейцев мальгаши окончательно впадут «в прежнюю дикость», ибо они «не способны планировать будущее и работать ради какой-либо отдаленной цели», не способны к самостоятельному развитию, не способны управлять своей страной. Приводя домыслы мадагаскарских ультра, с которыми он часто встречался на острове, и дополняя их собственными измышлениями, Кох-Изенбург при-

L. Koch-Isenburg. Urwelt im Aufbruch. Ein Tierfreund erlebt Madagascar, Frankfurt-am-Main, Frankfurtur Bücher, 1961, 232 S.

ходит к твердому убеждению, что без опеки белых мальгашский народ обречен на братоубийственную «расовую» войну и «полное вырождение».

Грубая фантастичность подобных «изысканий» очевидна для любого, сколь-либо знакомого с подлинной историей и настоящим мальгашского народа, и не нуждается в разоблачении. Достаточно сказать, что еще задолго до разбойничьего захвата Мадагаскара французскими империалистами на острове существовало единое суверенное государство, где всеобщее образование для детей школьного возраста было провозглашено гораздо раньше, чем в «просвещенной» Франции... Мальгашский народ — народ многовековой самобытной культуры, и

его художники, ученые, писатели и поэты известны далеко за пределами острова. Сейчас мальгаши делают первые самостоятельные шаги на пути к возрождению своей родины. Шаги эти трудны; но трудность их обусловлена лишь той хозяйственной разрухой, экономической дисгармонией и культурной отсталостью, которые достались острову в наследство после 65-летнего господства колонизаторов.

Измышления Коха-Изенбурга являются злобным перепевом старых басен французских завоевателей, неоднократно и до конца разоблаченных как прогрессивными учеными Франции, так и учеными и публицистами самого Мадагаскара.

Л. КОРНЕЕВ

СМЕРТНЫЙ ЧАС ПРОБИЛ

НА ЯРКОЙ суперобложке объемистой книги огромные буквы: «Африка — черная или красная?» Принадлежит она перу западногерманского журналиста Ф. Шаттена, которого издатели рекомендуют как противника колониализма и активного пропагандиста лозунга «Африка для африканцев», а его труд — как «счастливое сочетание страстности публициста с деловой объективностью». Хотя уже одно название книги заставляет усомниться в подобной характеристике, не будем забегать вперед и последуем за Шаттенем, который совершил поездку по многим странам африканского континента и теперь сулит рассказать о революции в этой части света.

В начале книги Шаттен анализирует послевоенную политику западных держав в африканских колониях, подчеркивая, что основная ее тенденция продолжала оставаться консервативной. Сотням тысяч африканцев, пишет он, которые во время второй мировой

войны боролись за свободу и демократию, проливая свою кровь на полях сражений в Европе и Северной Африке, вместо независимости предложили «фактическое равноправие», ассимиляцию с метрополией: Лондон заговорил о «партнерстве», а Париж — о «ста миллионах французов». Ф. Шаттен правильно характеризует эту политику колониальных держав как попытку сохранить свои владения в Африке.

Осуждая колониализм в целом, Шаттен, однако, повторяет уже не новую басню о том, что Англия и Франция якобы последовательно готовились предоставить народам своих африканских колоний полный суверенитет. Справедливости ради нужно отметить, что Шаттен по-разному оценивает колониальную деятельность империалистических держав. Резкую характеристику он дает, например, Португалии и Испании, называя их последними оплотами колониализма, стоящими на зыбучем песке. Зато бельгийские колонизаторы могут быть ему благодарны: оказываются, их колониализм превратился в XX веке в «просвещенный патернализм», а в 50-е годы стал даже образцом «колонизации нового стиля»! Шаттен упрекает Бельгию лишь в том, что она не готовила

кадры из местного населения. В книге приводится любопытная деталь: даже по самым скромным подсчетам «бельгийских противников колониализма», они собирались оставаться в Конго до 1986 года. Однако, по образному выражению одного бельгийского журналиста, Бельгии пришлось выпустить Конго из рук, «как горячий кирпич», — раньше срока.

В главе «Африканские контрасты» автор говорит о последствиях колониального режима — нищете, разрухе и разлагающем влиянии низкопробной буржуазной культуры, подчеркивая при этом ту крайне отрицательную роль, которую играли и продолжают играть три фактора: голливудские фильмы, бульварная литература и алкоголь, издавна являющийся спутником колониализма.

Шаттен приводит убийственные данные о политике колонизаторов в области просвещения. В 1958 году в начальных школах бывшей Французской Экваториальной Африки училось только 27,8 процента всех детей школьного возраста. В Нигерии на каждые четыре тысячи человек приходится в настоящее время лишь один с высшим или незаконченным высшим образованием. К моменту создания независимого государства в Бельгийском Конго вообще насчитывалось лишь восемь человек с высшим образованием. Как тут не вспомнить «просвещенный патернализм» и образец «колонизации нового стиля», которые расхваливает тот же Шаттен.

Шаттен дает в книге характеристику политического строя тех стран, которые он посетил. Однако если, говоря о колониализме, он был еще способен в ряде случаев дать объективную оценку тем или иным явлениям, то его рассуждения о государственном строе, политических партиях и деятелях явно тенденциозны и в большинстве случаев лишены даже тени объективности. Резким нападкам автор подвергает те страны, которые проводят собственную, независимую от Запада политику и поддерживают дружественные отношения с СССР и другими социалистическими странами.

Всячески стремясь очернить и опорочить эти отношения, Шаттен берется за явно безнадежную задачу: он начинает клеветать на СССР и страны социалистического лагеря, назойливо предлагая народам Африки поверить в существование «международного коммунистического заговора в Афри-

F. Schatten. Afrika — schwarz oder rot. Revolution eines Kontinents, R. Piper und C° Verlag, München, 1961, 416 S.